

РОЗДІЛ 11 ЛІНГВІСТИКА, ПСИХОЛОГІЯ ТА ІНФОРМАТИКА В ПРАВОВІЙ СФЕРІ

Підрозділ 11.1 Проблеми сучасної правової лінгвістики та перекладу

Мизецкая В. Я.

*Национальный университет «Одесская юридическая академия», заведующая
кафедрой иностранных языков, доктор филологических наук, профессор*

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНА «РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЗАКОННОСТЬ»)

Советские идеологи создали специфический язык для описания истории советского государства, его политики с целью манипулирования общественным сознанием.

Рассмотрим, например, подробнее двусоставный термин «революционная законность», который в официальном политическом обиходе утвердился в 1925 г.

Напомним, что «законность» предполагает ответственность за соблюдением законов, норм права не только со стороны частных лиц, но и государственных учреждений, властных структур. Однако прилагательное «революционный» было призвано подчеркнуть, хотя и в завуалированном виде, что паритет частных лиц и властных структур может и не соблюдаться. Иными словами, этот детерминант косвенно указывал на то, что институты власти получают определенную свободу в плане соблюдения или несоблюдения законов в случае возникновения чрезвычайной ситуации. Фактически это означало, что административные органы и силовые структуры сами могли определять обстоятельства, при которых возникала подобная необходимость принятия чрезвычайных мер. Таким образом, прилагательное «революционный» превратилось в окказиональный синоним прилагательного «чрезвычайный», которое понималось в «термидоровском» смысле как «позволяющей нарушать законы в интересах революционной целесообразности».

Сам оборот «революционная законность» является примером того, что принято называть «противоречием в определении» (*contradiction in adjecto* – лат.). Прилагательное «революционная» подразумевало чрезвычайность, отказ от соблюдения законов, в то время как термин «законность» подразумевал соблюдение законов. Первый элемент термина по

сути дела находится в оксюморонных отношениях со вторым, что недопустимо для официального юридического дискурса.

Однако этот противоречивый, алогичный термин был удобным пропагандистским инструментом. Для внешнего мира свою актуальность сохраняло слово «законность, а при «внутреннем» употреблении подчеркивался атрибут «революционная», что должно было тешить революционных радикалов и фанатиков якобинской диктатуры.

Ленин заговорил о «революционной законности» в связи с введением Новой экономической политики, которая не предусматривала разгула репрессивного аппарата. Согласно председателю Совнаркома, революционная законность означала ограничение полномочий ВЧК в области применения репрессивных мер. Таким образом, с изменением политической конъюнктуры зловещая сема «чрезвычайный» в данном термине уступила место более мягкой семе «частично ограниченный».

В период наиболее активных сталинских репрессий (конец 30-х годов прошлого века) ленинское понимание «революционной законности» замалчивалось как не отвечающее курсу на борьбу с классовым врагом и необходимостью усиления репрессий.

Однако это не мешало вспоминать о «революционной законности» в определенные моменты политической борьбы, при этом в данный термин вкладывался смысл сообразно конкретной политической ситуации. Так, в период борьбы с троцкистами термин «революционная законность» использовалась официальной властью в тех случаях, когда надо было подчеркнуть отклонение троцкистов от ленинского курса.

Произвол местных административных органов, применявших методы «военного коммунизма», объявлялся результатом влияния «троцкизма», что квалифицировалось как нарушение «революционной законности», т. е. как отклонение от ленинских установок. Лексема «революционный» и «ленинский» здесь превращались в окказиональные синонимы.

Вместе с тем идеологи социализма сами хорошо понимали зыбкость данного термина с его отрицательными коннотациями (насилие, репрессии). Поэтому в теоретических работах и публицистических текстах время от времени появлялась новая трактовка термина «революционная законность», которую мы предлагаем назвать историко-хронологической. Слово «революционный» при таком подходе стали трактовать всего лишь как «относящиеся к периоду революции». Такое понимание термина снимало отрицательные коннотации, в частности ассоциации с робеспьеровским пониманием законности (нарушение законов, диктуемое революционной целесообразностью).

Поскольку в тоталитарном государстве понимание политических терминов зависит от постоянно меняющихся политических установок, то изменение политической и экономической ситуации в СССР заставило за-

думаться о введении более «безобидного» термина, – «социалистическая законность».

Слово «революционная» потеряло свою пропагандистскую притягательность и применительно к новому периоду существования советской системы было заменено на атрибут «социалистическая». Таким образом, в результате субституции был снят намек на возможность репрессий и насилия, а основной акцент был сделан на созидательном аспекте термина (социалистический здесь трактуется как связанный с построением более прогрессивного общества).

С одной стороны, прилагательное «социалистическая», как и прилагательное «революционная», указывало на то, что речь идет не совсем о законности. Вместе с тем негативная сема «чрезвычайности» в обновленном термине не актуализировалась. В 1934г. появилось даже новое периодическое издание, называвшиеся «Социалистическая законность». Само название журнала еще раз подтвердило, что концентрировать внимание общественности на «чрезвычайности» (т. е. допущение беззакония стало неактуальным).

При этом термин «революционная законность» не был полностью исключен из политико-юридического обихода. Он считался уместным, когда речь шла о «верности ленинским традициям». В остальных случаях обычно использовались его нейтральные заместители – «социалистическая законность» и «советская законность» с максимально завуалированной семей «репрессивности».

В период хрущевской оттепели в статье, озаглавленной «Социалистическая законности» (Энциклопедический словарь 1955 г.), уже обошлось и без упоминания Сталина как вдохновителя «социалистической законности» и без упоминания «революционной законности».

В силу деградации официальной идеологии на рубеже 1980-1990-х годов атрибуты, образованные от идеологем «революция», «социализм», «советы», стали функционально избыточными, а слово «законность» вернуло себе прежний статус самодостаточного полноценного термина.

В заключение отметим, что законность, понимаемая как «соблюдение законов», вообще не может подвергаться какой-либо аксиологической или идеологической атрибуции: законность не может быть плохой, хорошей, безнравственной, буржуазной, социалистической и проч. Поэтому выражения с идеологическими детерминантами «революционный», «советский» и проч. являются лингвистически и логически некорректными. Они не могут считаться полноправными политико-юридическими терминами в силу нарушения законов коллокации, непозволительного для официального политико-юридического дискурса.